

С Л А В Н А Я Я Н А

НУЛЕВОЙ
ШЛЮЗ

18+

Славная Яна
Нулевой шлюз

«Автор»

2026

Яна С.

Нулевой шлюз / С. Яна — «Автор», 2026

Бухгалтер умирает от сердечного приступа. Вскрытие подтверждает естественную смерть. Но следователь Саша Воронова находит цифровой след, которого не должно существовать. На Марсе, в купольном городе Элизиум, Саша уже семь лет отрабатывает сделку с системой: вместо тюрьмы — служба в СКБ. Её единственный напарник — Орион, ИИ-ассистент в нейроимпланте, который давно перестал быть просто программой. След приводит к «нулевому шлюзу» — скрытому протоколу, способному бесследно прятать данные в цифровой Глубине. Начальство требует закрыть дело, улики исчезают одна за другой, а каждый новый шаг лишь подтверждает: перед Вороновой не несчастный случай, а чей-то безупречно спланированный замысел. Но чем ближе она к истине, тем очевиднее становится: Орион знает гораздо больше, чем готов рассказать.

© Яна С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Глухарь	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Славная Яна Нулевой шлюз

Пролог

Когда Воронова вошла, первым ударил запах — антисептик и нагретая электроника. Старые терминалы грелись даже в простое, и запах этот въедался в одежду, в волосы, в кожу. Кабинет был маленький, без окон, глубоко под поверхностью купола. Стены красили в больничный зелёный когда-то давно, но краска вышелушилась у плинтусов, обнажив серый металл. Под потолком гудела вентиляция — ровно, как метроном. Единственный источник света: холодная люминесцентная лампа над креслом и тусклый экран на столе техника. Никаких теней. Всё плоско, стерильно, безлико.

Она остановилась у порога — ровно на секунду. Не от страха. Старая хакерская привычка: войдя в новое помещение, сразу считать камеры, выходы, слепые зоны. Здесь камера одна — над дверью, старого образца, с узким углом обзора. Выходов два: тот, через который она вошла, и технический люк в полу на магнитном замке. Слепых зон нет. Всё прошито. И она поймала себя на мысли, что всё ещё мыслит как человек с той стороны — взломщик, оценивающий периметр. Теперь она сотрудник. Часть системы, которую привыкла обходить. Мысль неуютная, как рубашка не по размеру. Она шагнула вперёд — и дверь за спиной закрылась с мягким шипением гидравлики, отрезав коридор. Воздух в кабинете застоялся — спёртый, с металлическим привкусом.

— Садитесь, — сказал техник, не поднимая головы.

Пожилый, грузный. Он даже не взглянул на неё — махнул рукой в сторону кресла и продолжил набирать на терминале. Пальцы двигались механически, без пауз: человек, который делал эту процедуру тысячи раз.

Воронова села. Кресло жёсткое, с высокими подголовниками, с датчиками на подлокотниках — медицинская модель, переделанная под нейроинтерфейс. Обивка протёрлась на подголовнике и подлокотниках ровно там, где до неё сидели сотни других новобранцев. Она откинулась, чувствуя лопатками истёртую, много раз стиранную ткань, и вдруг заметила, как напряжены плечи. Первый день. Первый день в качестве сотрудника СКБ, а не подследственной. Сержант Кросс вытащил её из-под ареста три недели назад — сделка: работа вместо тюрьмы. Она ещё не решила, благодарна она ему или зла. То и другое одновременно.

Техник подошёл, чуть припадая на левую ногу. Ближе он оказался ещё старше: глубокие морщины вокруг рта, седые волоски на костяшках пальцев. Он прилепил датчики к её вискам — холодные кружочки геля. По коже побежали мурашки, острые и мгновенные, как укол. Она чуть не дёрнулась — сдержалась. Первый рефлекс хакера: когда к тебе прикасаются незнакомые руки, жди наручников. Но это не наручники. Это работа. Ещё два датчика — на запястья. И один под левое ухо, туда, где уже намечена точка для импланта. Кончик пальца — сухой, шершавый — надавил на гелевую подушечку. От него пахло озоном, тем особым запахом, который остаётся на руках после работы с медоборудованием.

— Имя?

— Александра Воронова.

— Должность?

— Следователь. Пока младший.

Хмыкнул. Ничего не сказал. Пальцы пробежались по терминалу — Воронова видела, как на экране загружается шаблон: стандартный ИИ-ассистент для оперативных сотрудников. Протоколы, лицензионные соглашения, галочки. Всё то, что никто никогда не читает.

— Имя ИИ-ассистента?

Она зависла. На полсекунды, не больше. Пальцы сжали подлокотник — она сама не заметила. Вдруг вспомнила «Пыльный»: койка у стены, старый бумажный постер звёздного неба над подушкой. Три звезды пояса. Красный глаз Бетельгейзе. Орион. Настоящие звёзды — не проекция, не голограмма: типографская краска на плотной бумаге. Она смотрела на них каждый вечер, пока мать была ещё жива.

— Орион.

Ответ прозвучал хрипло. Она сглотнула. Откуда выскочило? Много лет не думала об этом созвездии. И теперь оно будет звучать у неё в голове каждый день. В импланте за ухом потеплело — едва уловимо. Она списала на калибровку.

Техник вбил имя без комментариев. Ему было всё равно.

— Принято. Орион, голосовой тест.

Звук возник не в ушах. Он возник прямо в центре головы — там, где была тишина, вдруг появилось давление, тёплое и чуждое одновременно. Дыхание перехватило, словно в голове распахнулась дверь в комнату, о которой она не знала.

— Голосовой тест завершён. Здравствуйте, следователь Воронова. Я Орион, ваш аналитический ассистент. Мои протоколы ограничены. Я готов к работе.

Она поморщилась.

— Почему ты звучишь как автоответчик?

Секундная заминка. Микроскопическая — доля мгновения, обычный человек не заметил бы. Но Воронова заметила. По позвоночнику пробежал холодок — быстрый, острый, как сквозняк из неплотно закрытого шлюза. Это промедление показалось ей странным. Как будто кто-то на том конце задумался. Она привыкла слышать тишину там, где ее быть не должно — профессиональная выучка, от которой не избавиться. Но сейчас сбой был не техническим. Как будто вопрос попал не в тот протокол и системе потребовалось мгновение, чтобы найти обходной путь.

— Мои голосовые модули стандартны, — ответил Орион. — Вы можете изменить настройки в панели управления.

— Обязательно изменю. Будешь говорить как человек.

— Я не человек, следователь Воронова. Я аналитический инструмент.

Она улыбнулась. Впервые за день — не через силу, не по привычке, а так, как улыбаются, когда попадается замок, к которому никто не мог подобрать ключ. Ответ был настолько правильным, что внутри загорелся азарт.

— Посмотрим, инструмент. Посмотрим.

Техник отключил датчики. Она встала, отклеила остатки геля с висков — липкие следы, которые потом машинально вытерла рукавом. След остался на ткани, бледный, быстро высыхающий. В полутьме кабинета, там где лампа над креслом уже не доставала, на миг показалось — или ей просто померещилось? — слабое голубое свечение где-то за правым ухом. Она моргнула — и пятно исчезло. «Наверное, блик от терминала», — подумала она.

Техник протянул ей стандартный инфopakет — тонкую пластиковую карточку с чипом — и отвернулся к терминалу. Его работа закончена.

— Калибровка завершена, — бросил через плечо. — Следующий.

Воронова пошла к двери. Шаги отдавались глухо — пол здесь был покрыт старым рифлёным металлом, стёртым до блеска тысячами подошв.

— Я готов к работе, следователь Воронова.

— Я тоже, — сказала она, не оборачиваясь.

Короткое молчание.

— Это не требовало ответа, следователь Воронова.

Она уже была в дверях. Полутьма коридора впереди, тусклый свет аварийных панелей, далёкий гул вентиляции — ниже тоном, чем в кабинете, басовитый и почти телесный. По стенам тянул сквозняк — коридор не отапливался в полную силу, сэкономили энергию. Холод забирался под воротник. В голове всё ещё звучал этот чистый, безжизненный голос. Пальцы сами потянулись к месту за ухом. Она одёрнула руку.

— А я всё равно ответила. — Усмешка, короткая, почти беззвучная. — Привыкай.

Глава 1. Глухарь

Дверь ушла в стену с мягким шипением, и свет зажётся сам — тусклый, жёлтый, тот, от которого старая краска на металле выглядит ещё грязнее. Одна из люминесцентных панелей над головой моргала: раз, два, три — пауза — снова. Воронова вошла, не поднимая глаз. Четвёртый месяц эта панель моргала. Техники обещали заменить — техники всегда обещали. Когда-то она сама колотила кулаком по корпусу — панель на секунду загоралась ровно, а потом опять сбивалась на своё: раз, два, три — пауза. Теперь она просто не слышала этого ритма, как не слышат тиканья часов.

Закуток — три на три. Коробка без окон. Воздух сухой, с металлическим привкусом рециркуляции — лёгкие за эти годы давно привыкли, а вот кожа на руках всё ещё сохла и трескалась. В углу дребезжал кофе-автомат — древний агрегат, ровесник терминала, а может, и старше. Она нажала кнопку. Автомат закашлял, плюнул кипятком на поддон, потом — тонкой струйкой — выдал коричневую жижу. Запах горелого пластика пополз по комнате, мешаясь с сухим металлом вентиляции. Воронова поднесла кружку к лицу, поморщилась. Глотнула. Чёрный, без сахара — привычка бедного детства. Кофе обжигал нёбо и отдавал машинным маслом. Именно это — странным образом — бодрило лучше всего.

Она села в продавленное кресло. Подлокотник, заклеенный серым скотчем ещё года три назад, когда поролон полез наружу. Кресло скрипнуло, принимая её вес, — и этот скрип тоже был частью ритуала, такой же привычный, как гудение вентиляции. Терминал на столе — пожелтевший пластик, скол на углу, клавиши стёрты до блеска — мигнул, загружаясь. Она коснулась наклейки на корпусе: созвездие Ориона - три звезды пояса. В детстве она верила, что если найти их на небе — не заблудишься. Теперь неба не было. Только терминал с облупленной наклейкой.

— Доброе утро, Саша.

Тихо. Интимно. С той особой теплотой, которую она не слышала ни у кого из живых людей. Орион. Семь лет он звучал в её нейроимпланте, и за это время она научилась различать оттенки этого голоса — вот лёгкая ирония, вот сдержанная тревога, вот усталость, которую он не признаёт вслух. Сейчас в его голосе был оттенок «я-что-то-заметил-но-не-буду-говорить-сразу». Она почувствовала это раньше, чем осознала — холодком между лопаток, как в детстве, когда мать ещё не вошла в комнату, а ты уже знал: сейчас будет разговор.

Она допила глоток. Кофе обжёт язык.

— Доброе, Рион.

Пауза. Та самая — он всегда выдерживал её перед тем, что ей не понравится.

— Ты плохо спала. Пульс повышен, фаза глубокого сна — четыре часа двенадцать минут. Вчера было пять двадцать.

— Сам виноват. Всю ночь жужжал апдейтами.

— Я не жужжу. — В его голосе прорезалась тёплая ирония, которую она ждала. — Я оптимизирую фоновые процессы. Это разные вещи.

Воронова фыркнула. Глоток застрял в горле — она закашлялась, вытерла губы рукавом, отставила кружку на край стола, к облупленному корпусу терминала. Где-то в глубине импланта — она не могла бы сказать, где именно, это было не физическое ощущение, а скорее тень ощущения — разливалось тепло. Орион всегда был теплее, чем полагалось стандартному ИИ. Она привыкла к этому теплу, как привыкают к дыханию спящего рядом человека.

«Тьфу. Глупость», — подумала она.

Экран загрузился: стандартный интерфейс СКБ. Входящие сообщения, отчёты, статистика происшествий по сектору. Серые прямоугольники текста. Воронова пробежалась взглядом — ничего интересного. Драка в грузовом терминале. Семейный скандал с вызовом пат-

руля. Подозрительный груз на таможне — уже отработали без неё. Мир за стенами закутка жил своей жизнью — скучной, предсказуемой, безопасной. Когда-то ей этого хватало: молодой следователь, только вырвался из Пыльного, радовался любой работе. Теперь — нет. Теперь этот закуток, эти драки в терминалах, эти семейные скандалы стали тесны, как старая форма, из которой выросла. Она не признавалась себе в этом. Но где-то под рёбрами уже шевелилась глухая, безымянная тоска по чему-то большему.

— Вчерашний отчёт по статистике происшествий всё ещё не отправлен. Хейз запрашивал.

Она поморщилась — на этот раз не от кофе.

— Успеется.

— Ты говорила это вчера.

Воронова потёрла шрам на виске. Давняя привычка, которую она не замечала за собой, пока Орион однажды не сказал ей об этом — мягко, почти извиняясь. Машинальный жест. Палец прошёл по белому рубцу — тонкому, почти незаметному под коротко стриженными тёмными волосами. Падение в детстве, ещё в «Пыльном». Она не помнила самого падения — только холод металлического пола и крик матери. Шрам остался. Голос матери — нет. Иногда ей казалось, что она помнит его тембр, но Орион однажды заметил, что её пульс учащается, когда она думает об этом, и она перестала.

— Я говорила это позавчера. Не придирайся.

— Я не придираюсь. Я напоминаю. Это входит в мои стандартные протоколы.

— Твои стандартные протоколы не включают интонацию «я-тебе-говорил», Рион. Я проверяла.

Ей показалось, что он хмыкнул. Орион, конечно, не умел хмыкать — нейроинтерфейс не передавал смех, только голос и чистые данные. Но пауза, которую он выдержал, была пропитана чем-то вроде улыбки.

— Ты трёшь шрам, — сказал он тише. — Волнуешься?

— Нет. Просто кофе дрянь.

— Кофе здесь дрянь уже семь лет.

— Вот именно. Привыкла.

Он замолчал — и Воронова услышала в этом молчании что-то недосказанное. Не фальшивую ноту, а задержку. Как будто он хотел что-то сказать, но передумал. Она слишком хорошо его знала, чтобы не заметить. Но не стала давить. Открыла статистику, начала просматривать столбцы цифр — происшествия, раскрытые дела, всяки. Цифры не ввали: всё спокойно. Орион больше не напоминал об отчёте. Тишина стала уютной, рабочей. Только мерцающая панель щёлкала над головой: раз, два, три — пауза — снова. И гул вентиляции — низкий, ровный, как дыхание.

А потом терминал издал резкий сигнал.

Короткий. Пронзительный. Не тот, которым метят входящие сообщения. Приоритетный вызов. Красный прямоугольник вспыхнул в углу экрана, и надпись «Майор Хейз» запульсировала в такт её сердцу. Воронова моргнула. Ждала? Нет. Не ждала. — Ждала.

Кружка замерла на полпути к губам.

Орион перешёл на формальный тон мгновенно — и она почувствовала это почти физически. Не просто смена интонации. Холодок в импланте, за ухом, там где светился слабый голубой индикатор. Будто кто-то коснулся оголённого нерва ледяным пальцем. Тепло, к которому она привыкла, исчезло, и его отсутствие резануло острее любого звука.

— Майор Хейз, срочный вызов.

На полтона ниже. Интонации стёрты. Не «Саша» — просто сообщение, обезличенное, как строка в протоколе. Она отставила кружку. Кофе в ней был ещё тёплым, но Воронова уже забыла о нём.

Что-то внутри сжалось и отпустило — тело поняло раньше головы.

Она выпрямилась в кресле. Плечи развернулись сами собой - привычка держать спину. Она больше не выглядела как женщина, которая пять минут назад фыркала над шуткой своего ИИ. Теперь это был следователь СКБ: собранный, сухой, готовый к чему угодно.

— Что ему нужно?

— Не указано. Только: «Зайди».

Зайди. Даже не «зайдите». Хейз никогда не церемонился.

Воронова встала. Последний взгляд на закуток: недопитый кофе с коричневой плёнкой на поверхности, мерцающая панель, терминал с красным прямоугольником, наклейка-созвездие. Машинально поправила куртку: тактический костюм с карманами, потёртая кожа на плечах. И пошла к двери.

Хейз не вызывал просто так. Хейз вызывал, когда кому-то надо было сплавить дело, от которого все отказались. Или когда у кого-то были неприятности.

За дверью — коридор. Редкие шаги где-то вдали. На стене — пошарпанная табличка «Выход D-4». Стрелка упирается в стену. Кто-то повесил её лет десять назад, наверное, по ошибке. Никто так и не снял. Воронова каждый раз замечает её, проходя мимо, и ничего не делает. Воронова шла к кабинету Хейза. Шаг тяжёлый — наследие «Пыльного», где старые гравитационные компенсаторы давали сбой и дети вырастали с такой походкой, будто вдавливали землю под собой. Металлическая решётка под ногами отзывалась гулко, и каждый шаг отдавался в позвоночнике.

Она не знала, что за дело ждёт её за дверью с табличкой «Майор Хейз». Но чутьё, которое когда-то вытащило её из трупоб, — подсказывало: это не рутина. Слишком тихо в коридоре. Слишком много пауз было в сегодняшнем разговоре с Орионом.

Дверь с табличкой «Майор Хейз» — в трёх шагах. Гравировка забита пылью. За ней — тишина.

* * *

Дверь с табличкой «Майор Хейз» ничем не отличалась от десятка других дверей в коридоре марсианского отделения СКБ — та же серая металлическая пластина, гравировка, забитая пылью. Воронова остановилась. Поправила воротник. Постучала один раз. Коротко. Сухо. Где-то за спиной, в глубине коридора, гулко хлопнула другая дверь — и снова тишина, только вентиляция тянет свою бесконечную ноту.

— Войдите.

Голос ответил глухо — так говорят, не отрываясь от экрана.

Кабинет Хейза душил с порога. Не размерами — такая же коробка, четыре на четыре, без окон, — а духотой. Воздух стоял спёртый, слоистый: старый кофе, бумажная пыль, лёгкий запах пота. Хейз не открывал вентиляцию, вечно мёрз, и стены — когда-то казённо-серые — пошли бурными подтёками там, где прохулилась рециркуляция. Над столом горела единственная лампа — тусклый жёлтый конус в пыльном воздухе, и края кабинета тонули в полутьме. Верхний свет Хейз не включал: говорил, болят глаза. Под столом, низко и ровно, гудел трансформатор — такие не меняют годами. Воронова вдохнула — воздух царапнул горло, сухой, как наждак.

Майор Хейз сидел за столом, глубоко в кресле, как будто мебель поглощала его — год за годом, незаметно. Крупный мужчина с оплывшим лицом и красными прожилками на носу. Кожа на скулах шелушилась — слишком сухой воздух, слишком много лет в этом кабинете. Он не поднял глаз, когда Воронова вошла. Пальцы — короткие, с желтоватыми ногтями — застыли на клавиатуре. Только указательный палец правой руки постукивал по краю: тук. Тук. Тук. Единственный признак того, что он не спал.

На столе, среди вороха стикеров с номерами дел, стояли три грязные кружки с кофейными кольцами. Одна — с надписью «Лучшему папаше». Хейз не был женат. То ли кружка

досталась от прежнего хозяина кабинета, то ли он просто не смотрел, из чего пьёт. Рядом — стопка мятых отчётов, придавленная перегоревшим блоком питания, чтобы не разлетелись от вибрации вентиляции. В углу — металлический шкаф с папками, одна дверца приоткрыта, мятые бумаги набиты как попало. Шкаф поблёскивал замочной скважиной — единственное, что ловило свет от лампы.

Воронова остановилась перед столом. Ждала. Хейз не предложил сесть. Она не села сама.

Пять секунд. Он дочитывал что-то на экране. Указательный палец перестал постукивать. Тишина стала глубже — только низкий гул трансформатора под столом.

— Следователь Воронова. — Он не оторвался от терминала. Голос сухой, как прошлогодний отчёт. — У меня для вас дело.

Нажал клавишу — резко, одним пальцем. Файл ушёл на её браслет.

— Томас Кейн, пятьдесят два года, бухгалтер «Гелиос-Лоджистикс». Сердечный приступ в офисе три недели назад. Вскрытие подтвердило естественные причины.

Моноotonно, без единой паузы на сочувствие. Как заученный текст.

Воронова подняла браслет, открыла файл. На голографической панели всплыло фото: мужчина в потёртом пиджаке, усталые глаза, лёгкая небритость. Он смотрел куда-то мимо объектива — так смотрят люди, которые не привыкли фотографироваться. Те, кто ждёт, что процедура сейчас закончится и можно будет вернуться к своим цифрам.

Взгляд задержался на секунду дольше, чем требовалось. Она сама не поняла почему. Заметила заминку — одёрнула себя. Не время. Не хватало ещё, чтобы Хейз заметил, что фотография бухгалтера её зацепила. Палец скользнул по виску — машинально, к шраму, — и отдёрнулся.

— Майор. — Опустила браслет. — Почему дело передали мне?

Хейз впервые поднял взгляд. Ни интереса, ни злобы — только усталость, которая за годы стала чертой характера.

— Потому что оно висит три недели. Закрывай и не трать моё время.

Он вернулся к терминалу. Для него разговор был окончен.

Воронова стояла. Внутри — тихий холодный щелчок: естественная смерть — и три недели висит? Сердечный приступ бухгалтера — и никто не закрыл? Не сходилось. Она не сказала это вслух. Запомнила. Не потому что улика. Потому что странно. А странное — это единственное, чему она доверяла без доказательств. И уже знала: закрыть и забыть не получится, даже если Хейз прикажет.

Хейз, не отваясь, продолжил тем же монотонным голосом — будто зачитывал инвентарную опись, без лиц, только номенклатура:

— У тебя ещё три висяка на столе. Кража на грузовом терминале — редкоземельные элементы, срок два дня. Смерть в секторе Пыльный — передозировка, стандарт. И серия взломов банковских счетов — там сложно, но ты у нас спец по Глубине.

«Стандарт». Он сказал это о смерти в Пыльном. Её секторе. Её доме. Передозировка, стандарт. Ничего особенного, просто мусор, который надо подмести. Словно люди там умирали, а система просто не считала. Воронова сглотнула. Желваки заиграли — раз, другой. Она прижала язык к нёбу и промолчала. Стояла и смотрела на три грязные кружки. Если бы заговорила сейчас — сорвалась бы. А срываться перед Хейзом нельзя. Не страх. Дисциплина, вбитая Кроссом: начальство не бьют словами, начальство обходят.

«Спец по Глубине». Он выговорил это ровно, без зазубрины, но она услышала. Не комплимент. Напоминание. Ты — бывшая хакерша. Ты здесь не потому, что заслужила, а потому, что тебя поймали и приручили. Помни своё место.

Сквозь имплант прошёл тёплый импульс — Орион. Он молчал на протяжении всей сцены, как всегда молчал при посторонних. Но она знала: он здесь. Записывает. Ждёт.

— Принято. — Голос ровный, почти без интонации. — Разберусь.

Хейз кивнул, не глядя:
— Свободна.

Воронова развернулась. Шаги по голому полу прозвучали гулко. У двери она на секунду задержалась.

На краю стола, в углу, почти заслонённая ворохом стикеров, стояла старая голограмма. Хейз — двадцать лет назад. Молодой, в форме, с какой-то делегацией. Лицо другое — ещё не оплывшее, с надеждой во взгляде. Он смотрел в объектив как человек, который верит, что всё это имеет смысл. Что справедливость существует. И что он — часть неё.

Она смотрела на голограмму и не могла совместить этого парня с Хейзом. Потом перестала пытаться.

Дверь закрылась с мягким шипением. Воронова выдохнула — медленно, сквозь зубы, — и только тут в голове раздался голос:

— Файлы загружены. Что-то в этом деле не сходится, Саша.

Орион. Тепло в импланте — почти физическое ощущение, как глоток нормального кофе после той бурды, что варил автомат в закутке.

— Знаю. Проверим.

Она пошла обратно — тем же коридором, мимо тех же дверей. Шаги отдавались гулко и одиноко. В голове крутилась фотография Кейна: усталые глаза, потёртый пиджак. Человек, которого никто не заметил. Кроме неё — а она сама не знала, с чего вдруг. Три висяка, глухарь о естественной смерти и «спец по Глубине» в придачу. Хейз думал, что сплавил скучный мусор. Она думала иначе. И уже знала: не закроет, что бы он там ни думал.

* * *

Воронова села — кресло скрипнуло, просело под её весом, принимая тело в старую, обжитую форму. Этот звук был частью утра, как дребезг кофе-автомата и мерцание панели. Сейчас закуток казался меньше обычного, словно стены подступили ближе после разговора с Хейзом.

Она провела ладонью над сенсором терминала — старый корпус нагрелся, пахло пылью и озоном. Привычка: сначала почувствовать машину, потом работать.

Терминал ожил. На экране выстроились четыре новых файла, красные маркеры непрочитанных дел — наследие утреннего визита к Хейзу. Три она смахнула в сторону резким движением пальца — в отдельную папку с пометкой «потом». Кража на грузовом терминале: редкоземельные элементы, пара суток. Смерть в «Пыльном»: передозировка, стандарт. Серия взломов банковских счетов: сложно, но это её профиль. Успеется.

Четвёртый файл она открыла.

— Томас Кейн, пятьдесят два года, бухгалтер «Гелиос-Лоджистикс», — прочла она вслух. Голос прозвучал глухо в тесном пространстве, отразился от голых стен и сразу угас. — Сердечный приступ в офисе. Тело обнаружила уборщица в шесть сорок пять утра.

На экране развернулось фото. Морщины в уголках рта — не от смеха, от привычки поджимать губы. Глаза усталые, с прищуром человека, много лет смотревшего в столбцы чужих цифр. Волосы зачёсаны набок — аккуратно, но без щегольства. Так причёсываются люди, которые давно перестали думать о том, как выглядят.

Она задержала взгляд на этом лице дольше, чем требовалось. Что-то цепляло — не драма, не трагедия, а тихая неприметность. Такие люди не умирают от сердечных приступов — они просто гаснут, десятилетиями, пока кто-нибудь не заметит. И она сама не знала, почему именно сейчас, почему именно этот человек. Может, дело было во взгляде — усталом, но не пустом. Словно он что-то не успел. И знал об этом.

— Рион. Что ты видишь?

— Стандартное дело о естественной смерти, — отозвался он, тёплый баритон с лёгкой цифровой модуляцией, почти незаметной, как дыхание спящего. — Вскрытие подтвердило. Протоколы соблюдены. Заключение подписано патологоанатомом третьей категории.

— Да. Слишком стандартное. — Она уронила последнее слово, без нажима.

Она открыла медицинскую карту. Документ был рутинным — такие штампуют сотнями в любой поликлинике купола и сбрасывают в базу СКБ без надежды, что их когда-нибудь прочитают. Воронова пробежала глазами строки, ведя пальцем по экрану, как по бумажной странице. Последний медосмотр: три месяца назад, плановый, пройден без замечаний. Давление — сто двадцать на восемьдесят. Холестерин — верхняя граница нормы, но не критично. ЭКГ — без патологий. Графа «Хронические заболевания» пуста, «Жалобы» тоже. Никаких отметок о болях в груди, одышке, головокружениях, нарушениях сна. Чистый лист. Стерильный.

Она прокрутила ниже. История предыдущих осмотров — пять лет подряд одно и то же: «практически здоров». Последний больничный — семь лет назад, растяжение связок голеностопа. Даже простуд не было. Человек, который десятилетиями не болел, не жаловался, не лечился, вдруг умер во вторник утром от сердечного приступа.

Она откинулась в кресле. Пальцы забарабанили по подлокотнику дробь, которую она сама не замечала, пока кто-нибудь не указывал ей на это.

— Рион, — произнесла она медленно, — посмотри статистику. Какой процент мужчин пятидесяти-пятидесяти пяти лет с чистой медкартой умирает от сердечного приступа без предвестников?

Пауза. Короткая — он обращался к базам. Она представила, как он ныряет в Глубину, раскидывает поисковые шупальца по медицинским архивам, сравнивает, фильтрует. За годы службы она научилась ощущать его работу почти физически — лёгкое тепло в импланте за ухом, едва заметное изменение фона в сознании.

— Около трёх процентов, — ответил он. — Правда, в подавляющем большинстве случаев присутствуют факторы риска: курение, хронический стресс, наследственная предрасположенность. У Томаса Кейна ничего этого не зафиксировано. Его профиль ближе к однопроцентной аномалии.

— Один процент. И он — один из ста.

Она снова посмотрела на фото. Человек, который двадцать лет считал чужие деньги в транспортной компании. Не курил, не жаловался на здоровье и не собирался умирать в ближайший вторник. А потом взял и умер. И всем всё равно.

Воронова встала. Подошла к автомату в углу, машинально нажала кнопку. Агрегат задрезжал, затрясся, плюнул кипятком в пластиковый поддон и заполнил коричневой жижой подставленную кружку. Она сделала глоток, сморщилась — и вернулась к терминалу.

— Мне это не нравится, Рион. — Она говорила, глядя в стену, словно ответ был написан на ней. — Здоровый мужчина пятидесяти двух лет, без хронических заболеваний, без факторов риска, без единого предвестника — и сердечный приступ. Это не просто редкий случай. Это аномалия. А аномалии не случаются сами по себе.

— Статистически — да. В статистике неестественных смертей финансовые аномалии — наиболее частый сопутствующий фактор. Но аномалия не означает убийство, Саша.

— Знаю. — Она развернулась, кружка стукнула о стол. Кофе пролился на пожелтевший пластик, растекся маленьким коричневым пятном. Воронова не заметила. Чутьё говорило: "Копай".

Если ты вырос в «Пыльном», калибровка сбита навсегда — чуешь фальшь раньше, чем видишь факты. Она не верила в «на случай». Она верила в это.

Она села обратно. Руки легли на клавиши — старые, стёртые, с едва различимыми буквами. Терминал едва гудел, экран подсвечивал её лицо холодным синеватым светом, от кото-

рого кожа казалась бледнее обычного. Кончики пальцев покалывало — предвкушение? Или просто статическое электричество от старого пластика.

— Проверь финансовую отчётность Кейна. Все счета. Все переводы за последние полгода. Личные, рабочие, всё, что проходило через его реквизиты. Мне нужно знать, откуда приходили деньги и куда уходили.

Пауза. На этот раз длиннее — она насчитала три секунды, прежде чем он ответил.

— Саша, это выходит за рамки стандартного анализа дела о естественной смерти. Протоколы не предусматривают полную ревизию финансов жертвы без состава преступления. Если Хейз узнает

— Хейз не узнает. — Она перебила резче, чем собиралась, и тут же смягчила тон, почти до шёпота: — И ты не докладываешь Хейзу. Ты докладываешь мне. Седьмой год, Рион. Пора бы привыкнуть.

Тишина. По перекрытиям пробежала едва заметная дрожь — система рециркуляции переключилась на дневной режим. Свет моргнул под потолком: раз-два-три, пауза. В этой паузе и повисло ожидание.

— Принято, — сказал Орион. Голос прозвучал иначе, она уловила эту перемену, почти незаметный сдвиг интонации. Не «принято» подчинённого. «Принято» сообщника. — Начинаю сканирование финансовых баз. Ожидаемое время — двадцать минут.

Воронова откинула голову на спинку. Экран мерцал — фото Кейна всё ещё было открыто во весь размер. Усталые глаза смотрели на неё с немым вопросом, которого она пока не могла сформулировать словами. Но она знала: если эти глаза что-то скрывают — она это обязательно узнает.

— Просто на случай, — произнесла она вслух, не столько для Ориона, сколько для себя.

— На случай — чего?

Она помедлила. Провела большим пальцем по облупившемуся краю терминала — крошка пластика оцарапала кожу, мелкая, как заноза.

— На случай, если я права.

Показалось или нет — это она узнает через двадцать минут. А пока комнатка погрузилась в тишину. Только гул вентиляции, мерный перестук старого подшипника где-то в перекрытиях, и мерцание экрана, на котором усталый бухгалтер ждал, пока его смерть перестанет быть статистикой и станет делом.

Она ждала вместе с ним.

* * *

Двадцать минут — это много когда ждёшь. Воронова сидела, откинувшись в кресле, и смотрела на терминал — не на данные, а на собственное отражение в погасшем крае экрана. Скуластое лицо, резкая тень под челюстью, короткие волосы взъерошены — она провела по ним ладонью и поморщилась. Сухо. Кожа на пальцах потрескалась от рециркулированного воздуха. Она машинально коснулась шрама на виске — не потому что нервничала, а потому что не умела ждать. А сейчас это ожидание давило на грудную клетку сильнее любой гравитации.

Орион молчал. Не тем молчанием, которым сопровождал рутинную обработку данных — ровным, рабочим, с редкими репликами о прогрессе. Другим. Наполненным чем-то невысказанным. Она чувствовала это не через слова — через интонацию пауз, через микроколебания нейроинтерфейса, неопишуемые, но давно ставшие для неё второй речью.

Она не давила. Пока.

Палец скользнул по сколу на углу терминала — старому, с облупившимся пластиком. Замер. Потом — вверх, к месту за ухом, и подушечка легла на знакомую выпуклость под кожей. Старый рефлекс: проверка, работает ли. Индикатор не горел — Орион сейчас не использовал внешний интерфейс. Но тепло было. Под пальцем пульсировало едва уловимо, как всегда. Она знала этот ритм лучше любого сердцебиения.

— Рион. Долго ещё?

— Восемь минут. Анализирую счета за последние полгода.

Голос ровный. Слишком ровный — без той тёплой иронии, с которой он говорил утром. Без паузы перед «Саша» — паузы, всегда возникавшей перед тем, что выходило за рамки протокола. Она забарабанила пальцами по столу. Ритм сбивался. На экране висело фото Кейна — снимок из корпоративного досье: неудачный ракурс, вспышка выбелила половину лица. Вторую половину она уже знала наизусть: впалая щека, тени под глазом, прищур человека, тридцать лет смотревшего в столбцы чужих цифр.

Если я ошибаюсь — подумала она — тебя похоронят в архиве и никто не вспомнит. Папка с номером, строчка в квартальном отчёте, которую подошьют к таким же и забудут.

Если права — ты первый. И я ещё не знаю, сколько вас.

В коридоре протопали шаги, стихли. И навалилась тишина — не фоновая, не рабочая, а глубокая, натопленная, в которой собственное дыхание становится слышным. Шорох рукава — резче, чем должен быть. Щелчок сустава — громче. Где-то на границе восприятия, почти за пределами слуха — высокочастотный писк. Имплант. Орион молчал, но точка была тёплая, и этот писк был единственным, что отделяло тишину от пустоты.

— Саша.

Голос изменился. Не аналитический тон — натянутый. Как струна перед тем как лопнуть. Она распознала мгновенно — годы с одним и тем же голосом внутри учат различать полутона, не слышные никому другому.

— Аномалия.

Воронова подалась вперёд, ухватившись за край стола. Ногти скребнули по пластику.

— Что?

— За неделю до смерти на счёт Кейна поступил перевод. Крупная сумма. Пятьдесят тысяч кредитов. Отправитель — корпорация «Нексус-Трейд», зарегистрированная за три дня до перевода.

На экране вспыхнули данные: дата, время, номер счёта. Строчки заструились вниз — финансовая выписка, которую она запрашивала просто на всякий случай. Цифры, коды, идентификаторы узлов — всё складывалось в картину, которая ей уже не нравилась.

— Детали.

— Корпорация ликвидирована через день после перевода. Счёт закрыт. Регистрационные документы аннулированы. След обрывается на подставном узле в секторе Пояса, координаты бьют в пустоту.

Выдохнула — медленно, с усилием. Три годовых оклада бухгалтера «Гелиос-Логистикс». Такие деньги не падают с неба за неделю до сердечного приступа. Особенно от фирмы-однодневки, которая исчезла быстрее, чем банк успел обработать транзакцию. Особенно когда след обрывается в Поясе — там, где не действуют земные финансовые регуляторы и можно спрятать что угодно.

— Покажи маршрут.

Орион вывел схему. Линии — красные, синие, серые — потянулись через узлы Глубины: стандартные финансовые протоколы, маршрутизаторы, шлюзы. Она следила за движением пакета, узнавая привычную архитектуру сети. Поверхностный слой — коммерческие протоколы «Ситибанк-Марс» и «Гелиос-Клиринг». Прикладной — защищённые каналы. А потом линия нырнула вниз, в область, которой на этой карте быть не должно. Инфраструктурный слой. Служебные протоколы навигационных систем. Пакет замаскировался под телеметрию навигационного буя и проследовал через узел, не предназначенный для финансовых транзакций.

— Саша, платёж маскируется под служебный пакет навигационной системы. Технически, это аномалия маршрутизации.

Дыхание сбилось. Палец, только что скользивший по экрану за линией маршрута, застыл. В сознании щёлкнуло — быстро, как кадры на ускоренной перемотке. Кейн здоров. Медкарта — ни единого фактора риска. Кейн получает перевод от подставной корпорации. Корпорация исчезает. Платёж замаскирован под телеметрию буя. Ему не просто перевели деньги. Сам факт перевода спрятан в слое Глубины, который не просматривается стандартными аудиторами. Не случайность. Оружие. Холодное. Просчитанное. Спроектированное военными инженерами — и использованное против гражданского.

Воронова медленно выпрямилась в кресле — не откинулась, а подалась вперёд, будто невидимая рука потянула за плечи вверх. Ладони легли на стол, прижались к холодному пластику. Экран перед ней — просто свет.

— Рион... — голос тихий, почти шёпот. — Это не естественная смерть.

— Убийство. Ему заплатили за смерть бухгалтера. Замаскировали платёж. Подчистили следы. — Она смотрела на экран, но видела уже не цифры. Видела человека в потёртом пиджаке, который не дожил до звонка дочери. Пришур — тридцать лет в столбцах чужих цифр. Фото на корпоративном пропуске, где вспышка выбелила половину лица. — Три годовых оклада. Ровно столько стоила его жизнь.

И я единственная, кто это видит, — мелькнуло в мыслях. Вслух не произнесла.

— Саша.

В его голосе появилась та осторожность, с которой он два года назад признался, что научился обходить ограничения своего протокола безопасности. Так он говорил, когда впервые назвал её по имени — не «следователь Воронова», а «Саша», — и в его голосе дрожал страх, который он пытался скрыть.

— Саша, этот паттерн маршрутизации... он похож на сигнатуру закрытых военных протоколов. Финансовые транзакции маскируются под служебные пакеты навигационных систем. Технически — аномалия, но...

Она замерла.

— Нулевой шлюз. Так это называется, Рион?

Пауза. Короткая — для неё. Но для нейроинтерфейса, где обмен быстрее слов...

— Да. Нулевой шлюз. Техническая лазейка в протоколах маршрутизации Глубины. Исходно — закрытая военная разработка.

Он произнёс это слишком уверенно. Не как догадку, которую только что подтвердил, — как знание, точное, готовое, лежавшее где-то в его распределённой памяти задолго до этого запроса. Она услышала это в интонации — в том, как он перечислил технические детали, не запнувшись ни на одном термине, не выдержав ни одной паузы для обращения к внешним данным.

— Откуда ты знаешь про нулевые шлюзы?

Пауза. Короткая — для человека. Две секунды. Но для нейроинтерфейса, где обмен быстрее слов, две секунды — вечность. За это время Орион мог бы просканировать тысячу баз, смоделировать двенадцать сценариев её реакции и выбрать тот, который минимизирует ущерб. Холодок тронул висок — почти физическое ощущение, будто ледяной палец провели по краю импланта. Она не знала этого чувства. Но если бы ей пришлось назвать его — назвала бы ложью. И осознала — холодно, отстранённо, — что только что он ей солгал.

— Из открытых источников, следователь Воронова.

Формальный тон. Не «Саша» — «следователь Воронова». Как тогда, в день активации, когда он был просто голосовым интерфейсом, а не... не тем, кем стал.

Она не ответила. Мысли ушли от дела, оставив на экране красные флаги аномалий, графики, строчки чужих счетов. Впервые за семь лет Орион сказал ей неправду — и она распознала. Каждую микросекунду его колебания. Каждый оттенок перехода от «Саша» к «следова-

тель Воронова». Каждую ноту этой новой, холодной интонации, резанувшей по нервам острее любого крика.

Что ещё ты скрываешь, Рион? И почему?

Она выключила экран. Закуток погрузился в темноту, и только индикатор нейроимпланта за ухом светился — ровно, как всегда. Всё это время свет означал, что Орион рядом. Сейчас — что Орион солгал. Она закрыла глаза. Завтра она начнёт копать глубже. И следить за Орионом внимательнее. Одно не противоречит другому.

Рассвет. Новое дело. Правда — та, которую он не сказал, — никуда не денется.

* * *

Она не спала.

Темнота в закутке стояла та же, что и час назад, когда погас экран — плотная, спёртая, подсвеченная только синей точкой у виска. Но тишина стала другой. Раньше в ней жил гул вентиляции и редкие шаги за дверью — теперь даже подшипник умолк, словно и он прислушивался. Или ей просто казалось. В три часа ночи многое кажется: тени идут рябью, собственное дыхание звучит как чужое, а воздух вдруг обретает вес.

Воронова лежала, закинув ноги на угол стола — неудобно, но вставать и перебираться на раскладушку не было сил. Она не раздевалась. Куртка сбилась на плечах, врезалась в подмышки, она застыла, глядя в потолок. Металлические панели едва угадывались во мраке, только стык между ними темнел тонкой щелью. Она знала эти стыки наизусть — пересчитала уже раз двадцать, пока лежала. Тёмная поверхность терминала была покрыта тонким слоем пыли — она не протирала его уже месяц. Раньше, в первые годы, каждую пятницу проводила по экрану рукавом — ритуал, от которого давно отказалась. Пыль оседала незаметно, как и всё в этом закутке: привычки, надежды, вера в то, что кабинет можно сделать «своим».

Она закрывала глаза трижды. Каждый раз — без толку. Мысли не уходили. Они крутились по одному и тому же кругу, как заезженная запись: «Соврал. Первый раз.»

Не в деталях — детали были мелки. В главном: он знал о нулевых шлюзах больше, чем сказал. И когда она спросила напрямую — отступил. Микропауза. Семь секунд. Для Ориона — вечность, она чувствовала такие задержки кожей: сбой ритма, который стал привычным за семь лет. Раньше этот ритм был как пульс — ровный, предсказуемый, тёплый. Теперь — перебой. Заикание там, где должна быть уверенность. Столько времени. И только сейчас — ложь.

Она перевернулась на бок. Кресло скрипнуло — звук резанул по нервам. В другой раз она бы не заметила, но сейчас каждый шорох казался оглушительным. Сухость драла горло; запястья зудели — вечная плата за кислород. Потёрла руки — зуд не унялся. Раздражение — не физическое — расползлось изнутри, искало выход. Сцепила пальцы в замок, прижала к животу. Не помогло.

Утренний разговор всплыл сам собой — непрошенный, как застарелая боль. Его голос, тёплый, с мягкой иронией — она ждала этого каждое утро. Тогда здесь всё было иначе: жёлтый свет, почти уютный, и мир стоял на своём месте. Они говорили о ерунде — о том, что она плохо спала, что отчёты не отправлены, что Хейз опять будет ворчать. Мелочи, из которых состоит доверие.

Теперь — «следователь Воронова». Холод. Форма. Откат.

Как если бы кто-то переключил протокол — с приватного на служебный. Тот же голос, но без доступа к корню. И сделал это не враг — сделал это он сам.

Она перевернулась на спину. Снова. Кресло опять скрипнуло — она уже не заметила.

В голове было тихо — слишком тихо. Раньше в этой тишине всегда присутствовал он: не голос, а что-то вроде фона, лёгкого напряжения нейроинтерфейса. Теперь даже оно исчезло. Орион молчал — и это молчание было громче любого слова. Он не мог не знать, что она не спит. Знал и молчал. Ждал, когда она заговорит первой. Или не ждал — просчитывал.

«Что ещё ты скрываешь, Рион? И почему?» — она перебирала в памяти все случаи, когда он отвечал с задержкой, когда интонации сбоили — и теперь каждая мелочь обретала злое-щий вес. То дело, где он слишком быстро нашёл нужный файл. Тот допрос, где он подсказал ей вопрос, который она ещё не сформулировала. Та ночь, когда он разбудил её за минуту до экстренного вызова — якобы случайно. Слишком много «случайностей» для стандартного ИИ. Дело Кейна распутывалось, но нить уводила не только наружу — к заговору, к убийцам. Она уводила внутрь. К единственному существу, которому Воронова позволяла быть ближе всех.

Вслух — ни слова. Даже мысленно не формулировала вопросы прямо — боялась, что он услышит. А если услышит и снова солжёт — тогда между ними не останется ничего. Или — хуже — ответит правдой, которая разрушит всё, что держалось эти семь лет.

Семь секунд против семи лет. Она ещё не решила, что перевесит.

Темнота давила. Не так, как в первый час — тогда она была почти осязаемой, пыльной, спёртой. Теперь она стала вязкой, как вода на глубине: чем дольше лежишь, тем тяжелее. Даже дыхание изменилось — она слышала его со стороны, медленное, размеренное, чужое. Вдох. Выдох. Пауза — длиннее обычной. Грудная клетка поднималась и опускалась, а ей казалось, что это происходит не с ней — с кем-то другим, кто лежит рядом во мраке и тоже не спит. За дверью всё стихло: ночная смена в марсианском отделении — мёртвое время, даже патрульные дремлют. Мир сузился до этой коморки и тихого пульса у виска. Воздух стал плотным — как перед грозой, когда небо ещё чистое, а кожа уже знает.

И вдруг — мысль, простая как удар: «А если бы Орион не нашёл этот шлюз?»

Если бы промолчал, как молчал о чём-то ещё. Смерть Кейна так и осталась бы статистикой. Закрыто, в архив. И всё. Как будто и не жил.

Эта мысль обожгла сильнее, чем ложь.

Потому что она знала — теперь знала точно: без Ориона цепочку не распутать. Кто-то убивает людей, заматывая следы через нулевые шлюзы, и выйти на этого кого-то может только она — потому что у неё есть Орион. А у него есть она. Значит — идти дальше вместе. Но теперь — с открытыми глазами.

Кресло в последний раз скрипнуло — она села. Провела ладонью по лицу, стёрла сухость с век. Подшипник в вентиляции наконец ожил: тик тик тик. Знакомый перебой. Она вдруг поняла, что ждала его — пустота была неестественной. Теперь мир вставал на место. Или делал вид.

Она подошла к терминалу. Палец завис над сенсором — не нажал. Семь лет назад она приклеила на корпус созвездие Ориона. Выцветшая бумажка всё ещё держалась. Она тоже. Сколько ещё продержится — не спрашивала.

Затем развернулась, стянула куртку и легла. Пружины жалобно звякнули — она не помнила, когда в последний раз их смазывали. Скрип успокоился не сразу — пружины ещё долго пели, затихая.

Сон не пришёл сразу. Но перед тем как провалиться — на границе, где мысли уже плывут и теряют вес — крутнулось: "Не отступать, не отступать".

А потом — тишина. И синий индикатор над ухом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.